

ПРИЗРАК ВОЙНЫ

Петер Люти

Западные и российские средства массовой информации, воодушевленные мыслями о столетии со времени начала Первой мировой войны и конфликтом в Украине, старательно вызывают призрак мировой войны. Антропософы тоже не отстают и всюду проводят аналогии с 1914 г., цитируя при этом Штайнера. Но чем был бы призрак (в нашем случае невозможность прошлого умереть) без своих заклинателей?

Невольное соучастие в государственной пропаганде с обеих сторон очень бросается в глаза и вызывает вопрос: не становимся ли мы таким образом как раз на службу закулисных руководителей и не отвлекает ли военная риторика от истинных задач, которые ставит перед нами будущее? Ведь можно же задаться вопросом, например, о том, почему часто цитируемый инсайдер американской политики Бжезинский так чистосердечно выбалтывает геостратегические планы США в отношении изоляции России? Есть основания считать его наивным? Или же такие откровенные обнародования всего лишь часть стратегии — создать такую атмосферу, в которой широкие круги населения путем постоянных разговоров об этом верили бы в призрак войны? У кого есть возможность смотреть на мир с точки зрения российского государственного телевидения, тот едва ли избежит ощущения, что грубое, поддерживаемое картежным шулерством провоцирование предстоящего форсированного марша НАТО и связанное с этим ежедневное вдалбливание воспоминаний о героической победе над агрессором в 1945-м является способом отвлечь от по-настоящему насущных, не требующих отлагательств задач России. В то время как забран Крым, требующий дотаций, и в разы увеличивается военный бюджет, не хватает денег и желаний на то, чтобы предоставить простейшие условия для достойной человека жизни детям, больным и

старикам. И защита «русских и славянских ценностей» ради будущей миссии оказывается всего лишь пустой фразой.

К вызыванию призраков с антропософской точки зрения относится цитирование высказываний Рудольфа Штайнера с предположением, что он сто лет спустя в совершенно изменившейся ситуации сказал бы то же самое и все так же видел бы свои надежды на спасение мира в сотрудничестве немецкого и славянского народов. Подобное цитирование в качестве толкования современности – это уважение к учителю или же пренебрежение замыслами его учения? Во всяком случае, уже в 1919 году относительно мировой политики он говорил совсем не то же самое, что в 1913-м: с импульсом трехчленности он выбивает всякую почву из-под ног у какой бы то ни было идентификации задач духовной жизни будущего с государственными претензиями на территории. Попытки оправдать аннексию Крыма духовными закономерностями на основании некоего мистического российского организма игнорируют позицию Рудольфа Штайнера по отношению к конкретной общественной жизни. Отвечая критикам его идеи трехчленности, он объясняет, что под организмом он, конечно же, подразумевает не государство с его населением, но человечество и однозначно отвергает теперь (в сентябре 1920) этнографические критерии и болтовню о «русском народе» в отношении задач будущего как противоречащие жизненной практике. «Поэтому не стоит спрашивать о том, какую задачу в будущем имеют отдельные народы. Не народы будут иметь задачу – человечество будет иметь задачи»*.

Когда ты связан с людьми и реальными задачами в России и в Украине, тогда ты можешь из антропософии получить сильнейший импульс, благодаря которому задачи эти не рассеиваются в эзотерически обосновываемой геополитике с надуманным сценарием мировой войны и миссии народа, но именно здесь становятся практическими и потому во всех конкретных общественных сферах жизни позволяют *целительно* действовать христианскому духу – духу, который единственный способен справиться со всеми «происками Запада».

* Рудольф Штайнер, «Социальные идеи – социальная действительность – социальная практика». Лекции 1920–1921 гг. GA 337b